Дальнобойщик

Дальнобойщик - 1

Максим Макаренков

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мир, в котором победил копирайт. Вам он нравится? За идею даркнета и неоценимую помощь в редактуре огромное спасибо дайри-юзеру Каздалевский — http://www.diary.ru/~kazdalevsky/

- Дальнобойщик

Дальнобойщик

Из густого тумана, лизавшего обочины трассы, поднималась хрусткая, схваченная первым морозцем, трава, бледно-желтая с черными прожилками. И стоял молчаливый придорожный лес, сонный, полный серых туманных колец, вьющихся между больных, прокопченных выхлопными газами стволов. И все равно — после душной перетопленой кабины воздух был свеж, чист и прозрачен, а сереющее, с робкими голубыми прорехами, небо над лесом казалось высоким, пркекрасным, тихо звенящим, как в детстве, когда стоишь, запрокинув голову, и небосвод вдруг прыгает в недостижимую высь и распахивается в оглушительном величии, от которого сладко и страшно захватывает дух.

Володя постоял еще пару минут, затянулся в последний раз и выщелкнул окурок на обочину. Потянулся с хрустом, душераздирающе, со стоном и завыванием, зевнул, подпрыгнул пару раз, похлопав себя по бокам, и зашагал к кабине «Дракона». Поставил ногу на ступеньку, подтянулся, ухватившись за ручку, мазнул пятерней перед кругляшом сенсорного замка. Распахнув дверь, закинул сильное тело в сухую жару кабины, и чертыхнулся, в который раз самому себе обещая отрегулировать, наконец, систему обогрева. «Дракон» был машиной надежной, неприхотливой, но дни его молодости, увы, давно прошли. Но Владимир и мысли не допускал о замене боевого товарища. Вдавив кнопку стартера, он нажал педаль, и прислушался к густому низкому рыку двигателя.

— Ну, поехали, — пробормотал он сам себе, и снова, выворачивая челюсть, зевнул.

Конечно, можно было открыть окно, Санкт-Петербургское императорское шоссе считалось трассой относительно безопасной, но крепко засевший после многочисленных поездок по южным губерниям России инстинкт решительно протестовал.

Запиликал сигнал навигационной системы, и Владимир покосился на дисплей. Как и положено по графику, себя обозначил пост дорожной полиции, считывает данные о «Драконе» и грузе. Может и не остановят. Хотя, если делать совсем нечего, могут заинтересоваться понижением индекса контент-лояльности до А с двумя минусами. Впрочем, чего гадать, там видно будет. А вот радио включить не мешает.

Он нажал кнопку активации медиасистемы и кабину заполнил пронзительный девчоночий вопль, сопровождаемый тяжелым баханьем басов:

«а для царя, для батюшки-царяяя!!!».

Владимир поспешно нажал кнопку, меняя станцию, и досадливо зашипел. Хорошо поставленный женский голос вещал:

> «Патриотический хит группы „Ранетки. Некст дженерейшен“ „Спецназ“ продолжает уверенно лидировать в чартах. Спорный трек у многих критиков вызвал неоднозначную реакцию, причиной которой стали слова:
>
> > „А для царя, для батюшки царя, мы отсосем всему российскому спецназу!“.
>
> Между тем Патриарх Московский и Всея Руси Алексий Третий сказал
>
> > „Конечно, слова песни излишне смелы и церковь смиренно призывает людей искусства к более взвешенному выражению верноподданических чувств. Однако, не может не радовать столь искренне выражение патриотизма и любви к защитникам Родины, высказываемое православной российской“»

Владимир пробормотал что-то невнятное и снова сменил станцию.

> «Владимирский централ, ветер северный!» — хрипло взревели динамики голосом недавно воссоединившегося шестого состава группы «Бутырка».

— Лучше это, — процедил водитель сквозь зубы.

Вот-вот должен был появиться пост. Навигатор разразился противным писком, сменившимся голосом с явным кавказским акцентом:

— Вадытэль автомобиля «Форд Дракон» номэр А-Вэ шэсдэсят тры сорок шэст Бажэнов Владымыр Павлыч, прослэдуйте к зонэ контрол поста Импэрской Инспэкции Дорожной Двыжэний.

— Черт, делать им все же нечего, — досадливо дернул щекой Владимир, но спорить, конечно, не стал, щелкнув тумблером, ответил:

— Я Форд Дракон 63–46, вас понял, следую в зону осмотра, — и принял вправо, прижимаясь к обочине.

От раскрашенного в красно-сине-белые цвета цилиндра инспекторского поста, недобро щурившегося в сторону трассы

узкими прорезями бойниц, уже неторопливо, вразвалочку шагал горбоносый инспектор а чуть позади шагал подтянутый моложавый господин в неуместном здесь сером деловом костюме. Чуть дальше у поста стоял еще один, совсем молодой полицейский, строго по инструкции держащий автомат на груди обеими руками. Пытливый взор ему удавался плохо, парнишка явно предпочёл бы покемарить часок-другой.

— Вот, значит, чего они меня тормознули. Копирайтеры шныряют, — подумал водитель, открывая дверь и выпрыгивая на асфальт.

— Старшилэтэенат бр-гр-хр…, - невнятно пробормотал гаишник, поднимая ладонь на уровень бедра. Видимо, обозначил приветствие.

— Инспектор Его Императорского Величества Министерства по надзору за соблюдением авторского права и защите интеллектуальной собственности Костырский. Предъявите ваши личные документы, документы на автомобиль и груз.

— Да не вопрос, сма-арите, — чуть зевнул Владимир, протягивая идентификационную карту и обрезиненный терминал накладной.

Копирайтщик мазнул по ней скучным взглядом и небрежно протянул себе за спину. Подскочивший гаишник взял ее и углубился в изучение.

— Оружие, запрещенные к применению наркотики, подрывные материалы, нарушающая авторское право или не рекомендованная к ознакомлению информация имеются? — отбарабанил он заученно.

— Да откуда такое, господин начальник? Что мне, на каторгу захотелось? — лениво возмутился Владимир.

— За последние два месяца зафиксировано падение степени вашей лояльности к Закону об авторском праве до уровня А с двумя минусами. Согласно регистрационным записям, вы совершили покупку устройства, потенциально способствующего нарушению целого ряда пунктов закона. Оно находится в автомобиле?

— Вот же андроид, — подумал Владимир, — говорит, как инструкцию читает.

Вслух же ответил, почесывая в затылке иизображая работу мысли:

— Вы про этот, про ноут чтоль? Так я играю на нем. Да музон слушаю.

— Почему не пользуетесь для этих целей рекомендованными специализированными устройствами и встроенными системами

автомобиля?

— Ну дык, начальник, я ж дальнобойщик! Я ж ночую черти где! Там бывает и сеть то не ловится, телефон не берет! А поиграть, хоть разрядиться то охота. Не всегда ж по-другому получается! — сально хохотнул он, подмигивая копирайщику, но наткнулся на холодный брезгливый взгляд, осекся и подобрался, изображая понимание и важность момента.

— Предъявите устройство работы с информацией.

Точно, андроид, где ж только у него кнопка, думал Володя, залезая в кабину и роясь в сумке. Достав черный поцарапанный прямоугольник нетбука, снова соскочил на обочину, протянул компьютер инспектору. Скрывать было нечего. На диске имелась лишь пара фотогалерей: он с женой и сыном, он с друганами на стоянках, четыре альбома «Бутырки», «Михаил Круг — наследники» и сборники «Эх, дорожка-трасса». Разумеется, абсолютно легальные, защищенные SuperDRM, с индикаторами количества прослушиваний. Да еще игрушки — «Переполох в общаге. Часть 86» и «Приключения на пляже — обратно на Ибицу, переиздание».

Остро глянув на водителя, инспектор запустил «Общагу». Зашел в «Статистику», посмотрел количество времени, проведенного за игрой, показатели набранных очков, видимо, удовлетворившись, вернул нетбук.

— Ваш телефон оснащен технологией блютуз?

— Вроде, да, только мне эта хрень без надобности, — снова пожал плечами Владимир. Он видел, что досматривают его уже по инерции. Гаишник и вовсе откровенно скучал.

— Предъявите его для досмотра, пожалуйста, — протянул руку копирайт-инспектор и, видя, что Баженов открыл рот, чтобы что-то спросить, продолжил не терпящим возражений тоном, — согласно постановлению Думы, лица, чей уровень лояльности ниже степени А с одним минусом, могут быть остановлены любым представителем органов правопорядка для осмотра принадлежащих этим лицам средств коммуникации и устройств хранения и обработки цифровой и иной информации на предмет установления законности хранящихся в них данных и их соответствию законодательству об авторском праве. Короче, телефон давай.

О, хоть какая-то человеческая реакция. Владимир, изображая обиду, шлепнул в подставленную ладонь дешевый аппарат.

> Да, ребята, все же халтурно вы работаете, по шаблону. Кто ж теперь блютузом-то для активации стафф-контейнеров пользуется. Это ведь полным

идиотом надо быть. Или новичком сопливым. — Владимир надеялся, что его мысли никак не отражаются на лице.

Убедившись, что список сопряженных устройств девственно чист, инспектор недовольно вернул телефон и кивнул гаишнику.

— Можэтэ слэдоват, — кинул тот Баженову терминал накладной и проверяющие отправились обратно к посту.

Вслед им из динамиков неслось: «Ты мне опять сегодня не дала! Мне не дала, зато дала Сере-о-о-ге!»

Захлопнув дверь, Владимир длинно выдохнул, и неторопливо вырулил на трассу. Посмотрел на часы, хмыкнул, и полез в карман за телефоном. Почти не глядя на экран набрал: «Эх, жрать охота, пожалуй заверну к Адамычу!». И отправил в свой микроблог, уже лет пять существовавший в одном из не слишком популярных сервисов, облюбованных дальнобойщиками и, отчего-то, врачами «Скорой помощи».

Страдальца, которому не дали, сменил Дима Билан. Не то четвертый, не то пятый, Баженов за ними не следил. «Бе-бе-белив ми-ми», — отрывисто тошнился он в микрофон под утробные басы. Противно, но ничего не поделаешь. Счётчик медиа-системы неспешно отмеривал минуты прослушивания легальной рекомендованной музыки, потихоньку подтягивая рейтинг.

По молодости лет Баженов удивлялся, отчего год за годом с медиамониторов не сходят инкубаторские мальчики и девочки с одними и теми же именами и не меняющимся репертуаром, состоящим из ремиксов, миксов и сборников «лучшее за год». Потом ему однажды объяснил знакомый «реалист» — настоящий крутой создатель реал-ньюсов, шедших по всему миру. Он был пьян, а потому совершенно откровенен. Впрочем, с Баженовым он таким был всегда.

— Володя, ты пойми, это же все большущие, охрененно большие деньги. Как с конца двадцатого века начали рекорд-лейблы да каналы регистрировать имена и псевдонимы артистов торговыми марками, так и понеслось. Всё! Ваня Сидоров петь не может. Имя-то как товарный знак зарегистрировано и принадлежит какой-нибудь Сони Мьюзик. Это раз. Так что на фига что-то новое придумывать, когда под раскрученным лейблом можно сто Биланов выпускать. Загнется один от кокса или башку ему в ночнике проломят, можно нового выпускать. Копирайт же на репертуар давно у лейбла. А еще, друг мой сердешный, они же всёёё считают. Все, до цента! Новое имя, новая песня, новый фильм с ор-ригинальным сценарием — это ж

все авторские отчисления. Зачем? Невыгодно! Дешевле же за ремикс заплатить только аранжировщику, а на все остальное и так равно у них права, сиди и стриги бабки с каналов да с потребил, за каждое ж воспроизведение в личном плеере счетчик капает! А у нас, в России они и вовсе не напрягаются. На фига? Мы ж для них туземцы. Три притопа, два прихлопа, и все. Прокатывает! Импе-ери-я! Ха! Это в реал-ньюсах моих Империя, а ты попробуй это скажи в Ростовском эмирате или Сибирско-Китайской республике! Во они поржут! Так что нет никакого резона международным лейблам напрягаться — мы рынок простенький и нетребовательный, вкусы у аборигенов примитивные, ремиксы и адаптированное мыло в самый раз сойдут.

Баженов тот разговор вспоминал не раз, и становилось горько и обидно. Но, включая любой медиаканал, он убеждался в правоте реалиста.

Ветер разогнал облака, и небо над трассой сразу, вдруг, в один момент сделалось прозрачно-голубым, тихим и спокойным. И отчего-то на душе стало легче. Жизнь показалась правильной, нужной, и Баженов щелкнул выключателем, отсекая поток бессвязных звуков. Остались только шелест шин, да небесная тишина, омывающая кабину грузовика.

Так, молча, улыбаясь своим мыслям, Владимир доехал до небольшого придорожного поселка, в самом центре которого на месте нескольких сгоревших домов оборудовали стоянку. По правому краю площадки шли кабинки сортиров, далее распластался перекошенный барак с вывеской «Мотель». Слева приютился длинный одноэтажный щитовой дом с крыльцом посередине фасада. Над крыльцом шли кривоватые фанерные буквы «У Адамыча».

Баженов вышел. Приложил руку к замку, запирая дверь, затем, покачав головой, полез в карман куртки и достал связку ключей. Вставил металлическую полосу в прорезь древнего механического замка, запер еще и его.

Посвистывая, пошел к кафе.

Мимо проехал семейный минивэн. Притормозив, съехал на обочину, водитель вышел и неторопливо двинулся к кабинкам сортиров. В салоне Баженов заметил склонившегося над ноутбуком пассажира. На другой стороне трассы встала возле ларька с сувенирами машина с московскими номерами. Заехали на стоянку трое байкеров в патриотичных куртках с двуглавым орлом на спинах. Один покопался в притороченной на багажнике сумке, словно что-то настраивал. Или просто искал сигареты, которые и достал из бокового кармана. Хлопая друг друга по

спинам, байкеры пошли в кафе, выпятив пивные животы.

Сидя за столом, Баженов улыбался.

Копирайт-инспектор зря рылся в нетбуке и телефоне. Зачем использовать такие сложные и легко вычисляемые методы?

Поворот ключа — и тонкий металлический стержень аккуратно нажимает на кнопку активации, включающую насмерть, до белого шума, скремблированный высокоростной wi-fi упрятанного в толстой двери «Дракона» устройства, состоящего из простенького управляющего модуля и вместительного винчестера.

Тот, кому надо, и пароль доступа к винчестеру, и коды скремблера знает.

Байкеры, видать, решили качать все, потом увезут к родным пенатам, и оттуда поползет файл за файлом… А вот тот, кто сидит в машине, судя по движениям руки, сейчас бродит по директориям.

Интересно, что он выберет?

Баженов задумался.

Сам он воспользовался привилегией почтальона и еще до загрузки просмотрел свежачок. Он обязательно скачает себе спектакль, поставленный молодыми ребятами откуда-то из-под Твери. Классический «Вишневый сад». Удивительно, что такие молодые вообще его помнят. И где только добыли текст? В сетевых библиотеках его давно нет, поисковики тоже ссылки на полные тексты давно из выдачи исключили, А, вот, поди ж ты! Еще был новый сборник стихов девчонки из Москвы. Наивные, с прихрамывающей, местами, рифмой, но почему-то от них у Владимира ком к горлу подступал. И конечно же статья давно выброшенного на пенсию профессора с закрытого философского факультета МГУ. Он со своим коллегой из Питера год за годом вел оживленнейшую полемику о сути современного глобализма, оба джентльмена фонтанировали идеями, писали легко, язвительно, остроумно и явно наслаждались происходящим. За их перепиской в статьях следил весь даркнет.

Слово это Баженов не очень любил, но оно прижилось. Даркнет — нелегальная, анонимная, свободная от копирайта, распределенная и самоорганизующаяся сеть обмена информацией. Свободной, живой информацией. Она была примитивна и надежна, как лопата. Всегда находились те, кто соглашался рискнуть и доставить винчестер со свежей информацией до точки, где ее могли скачать те, кто потом передаст ее дальше — друзьям, надежным соседям, а те — своим. И никто не мог с этим ничего поделать. Да и в официальном медианете упоминать о ней было нельзя. Ее просто не

существовало.

Баженов доел, расплатился, и вышел.

Надо было доставить официальный груз.

Интересно, мне что-нибудь закачали или только сливали файлы? Но узнать это он мог только в Москве, когда извлечет винчестер.

Полчаса он ехал в полном молчании, чувствуя, как постепенно расслабляются закаменевшие мышцы спины. Каждый раз он обещал себе, что не будет психовать, и каждый раз нервничал.

Позади внезапно вякнул сигнал патруля, в мониторе заднего вида показался бело-голубой «крейсер» дорожной полиции.

— Вот только вас мне сейчас не хватало, а — пробормотал Баженов, съезжая на обочину.

Из полицейской машины вылез невысокий седой толстяк в форме сержанта, помахивая полосатым жезлом вразвалочку пошел к «Дракону» Владимира.

— Вот чертяка! — улыбаясь, прошептал тот, и полез наружу.

— Стас! ты какого же черта пугаешь?! — зашагал он навстречу полицейскому.

Обнялись, похлопали друг друга по спине.

— Ну, ты привез? — нетерпеливо спросил Стас.

— Ага. Да погоди ты, дай достану. — Баженов сел на подножку «Дракона», стянул с левой ноги тяжелый ботинок, и принялся складным ножом отковыривать подметку. Добыл из тайника miniUSB-флешку, протянул Стасу.

У того дрожали руки. Из кармана куртки полицейский извлек старый поцарапанный плеер, вставил в него флешку, со второго раза попал капелькой наушника в ухо. Нажал кнопку воспроизведения.

И закрыл глаза. Владимиру даже показалось, что старый дорожный патрульный всхлипнул.

Стас вытащил один наушник, хлопнул Баженова по плечу, спасибо, мол, и, смешно косолапя, побежал к своей машине, крича напарнику:

— Живем, Михалыч, живем!

В наушнике пел надтреснутый негромкий голос:

Вагонные споры — последнее дело,
Когда больше нечего пить…